

Издан очерк жизни жировичского старца Митрофана (Ильина)

В издательстве Дмитрия Харченко вышло в свет издание о насельнике Свято-Успенского Жировичского монастыря схиархимандрите Митрофане (Ильине) (1915 – 2006)

В начале 1990-х годов на клиросе Свято-Успенского собора Жировичского мужского монастыря церковный хор производил аудиозапись. Дело не ладилось: посторонние шумы всё время останавливали процесс. Малейший шорох – стоп; кашлянет кто-нибудь – стоп; ворона каркнет за окном – стоп; грузовик на улице мимо проедет – стоп. Петь с первого такта начинали много раз. И всё ради идеального звучания. Регент даже выставил «караульных», чтобы никто во время записи случайно не зашёл в собор и не нарушил тишину. Хористы очень устали, нервничали и готовы были уже кричать друг на друга, только бы скорее закончить петь и разойтись. Обстановка накалилась до предела.

Очередная, трудно сказать какая по счёту попытка удачной записи опять была сорвана: раздался скрип двери – через запасной вход в собор вошёл монах преклонных лет...

– О-о-о! Пою-ю-ют? – искренне и громко высказал удивление батюшка. – Записываете, да? Очень важно!

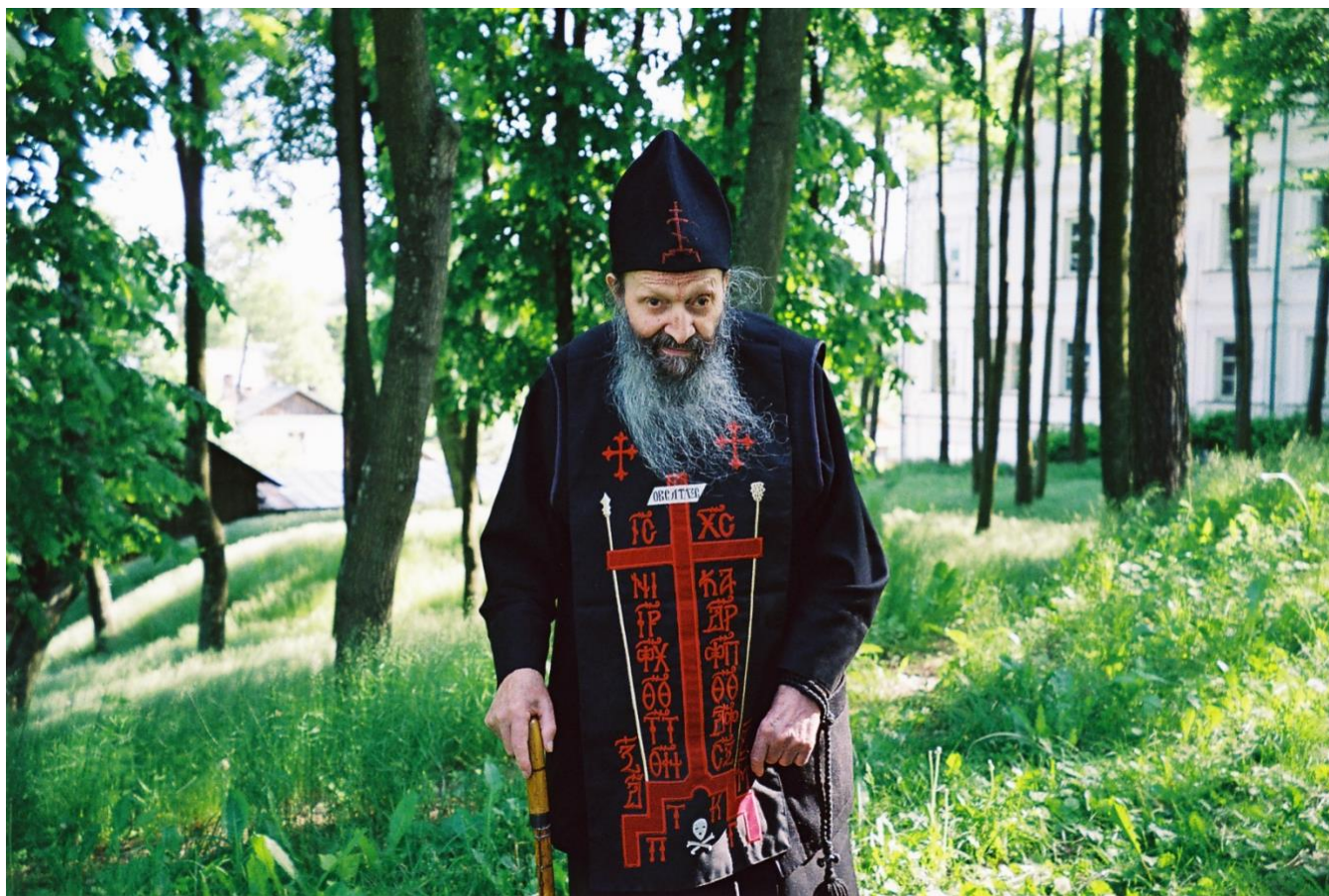
– Батюшка, миленький, – взмолился регент, – мы уже до белого каления дошли. Пожалуйста, тише!

– Я не буду мешать, – очень серьёзно и с пониманием отнёсся батюшка да притих.

Прошло совсем немного времени. Хор собрал последние силы, настроился на новую попытку сделать запись, как вдруг раздался... храп. Никто не смог

удержаться от смеха — все расслабились, нервное напряжение спало. Потому что на отца Митрофана — так звали батюшку — разозлиться было невозможно. Его все любили. Внимательные певчие увидели неслучайное появление самого старого насельника монастыря в наиболее ответственный момент записи.

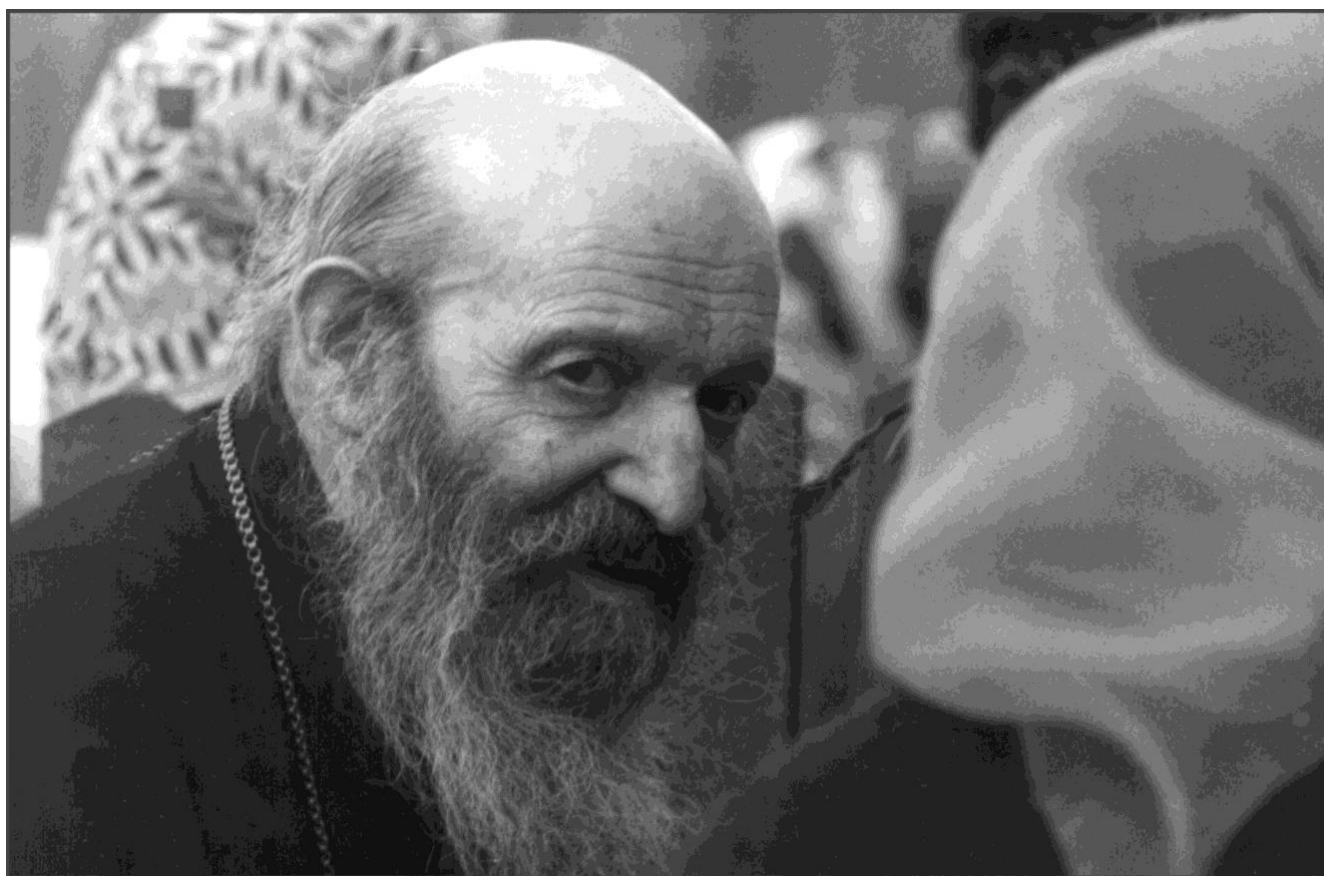
Батюшка обладал даром чувствовать состояние души человека. Почти сорок лет без выходных и отпусков он нёс послушание в свечном ящике и хорошо научился не только понимать людей без слов, но и маскировать своё умение видеть незримое. Партизанское прошлое и немощи преклонного возраста позволяли ему оставаться «незаметным» на виду у всех.

Когда от постоянного общения с паломниками на отца Митрофана наваливалась физическая усталость, он отдыхал там, где придётся. Для стороннего взгляда — вполне естественное явление. Бывало, сидя на лавке в храме, чуток подремлет, склонив голову, а иногда поспит в кладовке или поднимется на хоры и там вздремнёт. Когда сил не оставалось совсем, он ставил в ряд несколько табуреток — росточку был маленького — снимал валенок, клал под голову и ложился ненадолго отдохнуть прямо в свечном ящике. Временами звуки его негромкого сопения раздавались и с места расположения архиерейской кафедры — почётного четырёхугольного

возвышения, усталого тёплыми коврами. Батюшка частенько там спал, укрывшись орлецом — небольшим круглым ковриком с изображением парящего орла, на котором молится архиерей во время богослужения. Орлец — символ небесной высоты служения и заботы архиерея о своей пастве — будто бы наложил некий отпечаток на внешний вид и образ жизни отца Митрофана. Батюшка имел орлиный профиль и зоркий взгляд, который по неведомым признакам во время богослужений «выхватывал» скорбящего человека, и не важно, верующим тот был или нет. Ни пол, ни возраст не имели значения.

Сидит совершенно незнакомая женщина в уголке — ей очень тяжело, но никто об этом кроме неё и Бога не знает. Батюшка подкрадывается к ней, присаживается рядом и заводит разговор по душам — её грусть уходит. В такие минуты, человек чувствовал, что отец Митрофан именно к нему находится ближе, чем ко всем остальным.

Образ жизни архимандрита Митрофана был созвучен значению его имени. «Митрофан» в переводе с древнегреческого — «матерью обнаруженный». В младенчестве мать потеряла его, младенца, в суматохе на железнодорожном вокзале и с помощью равнодушных людей вновь обрела. В монашестве отец Митрофан в свою очередь находил, буквально «охотился» за людьми, находящимися в огорчённом, горестном и даже

бедственном положении, чтобы окрылять их радостью. Отыскивал, как настоящая мать. Только мать, не ощущая преград, спешит ребёнку на помощь и первым делом утешает его. Оберегает, делает всё возможное, ничего не ожидая для себя взамен — ни выгоды, ни благодарности. А в остальном — молится за своё дитя, вверяет его в попечительство Божие и живёт со спокойным сердцем.

Таким и был отец Митрофан. Ему не были безразличны люди. При встрече батюшка иногда любил задавать один и тот же простой вопрос:

— Как тебя зовут?

— Александр, — отвечал, например, семинарист.

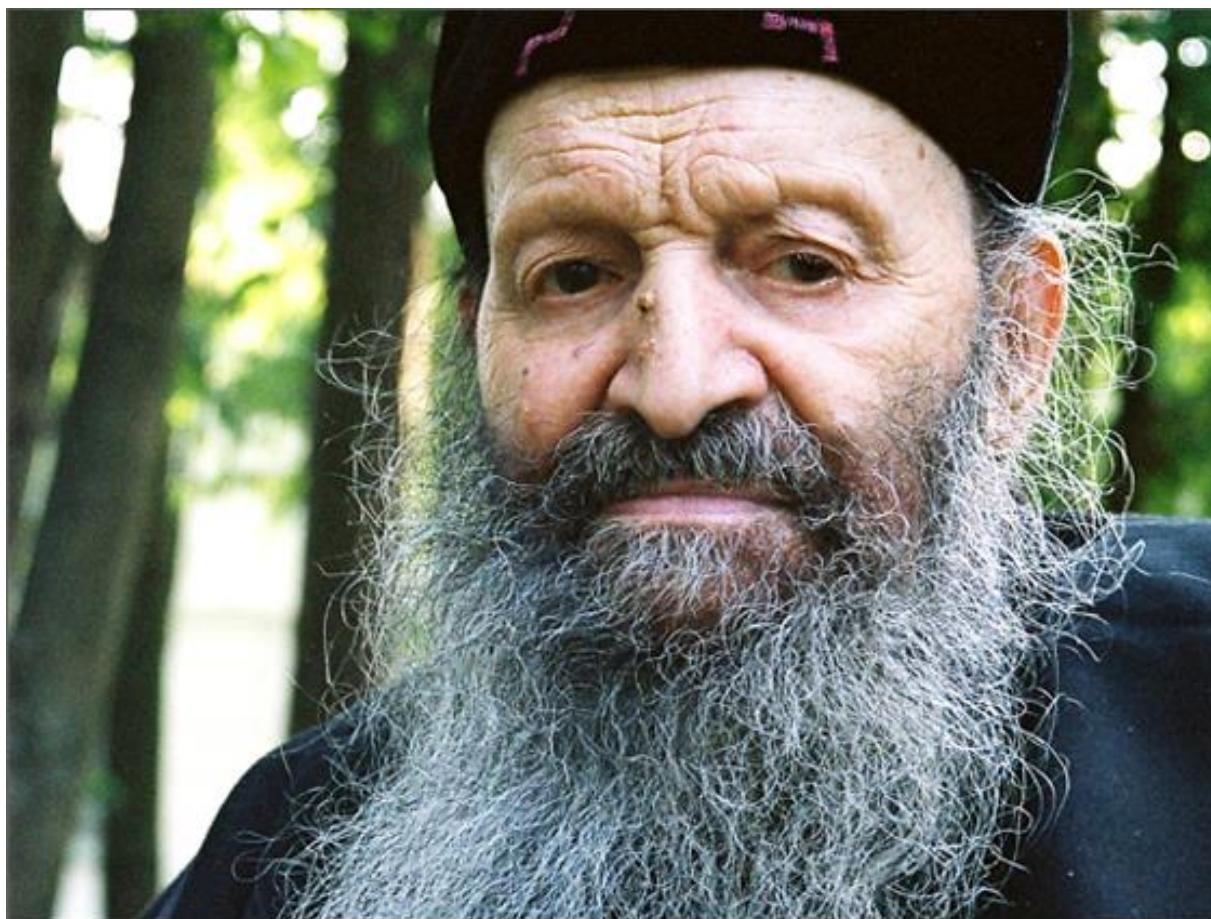
— Как зовут? — тут же повторно спрашивал батюшка.

— Александр, — снова звучал ответ.

— Как тебя зовут? — допытывался отец Митрофан и с невозмутимым видом ждал ответа, демонстрируя непонимание. Зачастую люди отвечали ровно столько раз, сколько их спрашивали и только потом задумывались о причинах постановки самого вопроса.

— Людмила, а ты людям милая? — спрашивал отец Митрофан, открывая одновременно подспудный смысл вопроса: насколько образ жизни человека соответствует его имени.

Существует наблюдение, дающее основание заметить некое подобие добродетельных христиан с теми святыми, имена которых они носят. Священник Павел Флоренский писал, что каждое имя направляет жизнь личности по своему руслу и не даёт потоку жизненных процессов протекать

где попало. И в этом русле именно сама личность определяет нравственное его наполнение. Имя есть определённый ритм жизни. Когда человек устремляется к святости, тогда и можно наблюдать некоторое его сходство с жизнью святых.

Непрестанное попечение о людях было свойственно небесному покровителю батюшки — святителю Митрофану Воронежскому. Неравнодушная забота являлась мелодией души и отца Митрофана. Батюшка мог сесть в храме на лавку рядом с человеком, которого первый раз видел, и, выслушивая проблемы, клал голову ему на плечо и что-то с любовью растолковывал. Иногда острым коротким пальцем постукивал по

колену, руке, голове, словно вбивал свои слова, как гвозди, чтобы человек их хорошо запомнил. Мог упереться лбом в лоб, и тогда в его взгляде можно было утонуть; мог ласково погладить по щеке, обнять или просто взять за руку.

Достаточно было посмотреть на отца Митрофана в такие мгновения, чтобы устыдиться своего исковерканного понимания о должном, глубоком внимании к людям. Обратить внутренний взор на себя и признаться: *Ты носишь имя, будто жив, но ты мёртв* (Откр. 3: 1).

Среди многочисленных добродетелей батюшка особенным образом выделял терпение и являлся его носителем.

В Свято-Успенский собор обители как-то раз зашёл высокий

мужчина лет шестидесяти, скорее всего местный — достаточно крепкого телосложения. Про таких деревенских жителей обычно говорят: кровь с молоком. Его возбуждённый взгляд и мечущиеся маленькие глазки свидетельствовали о неких отклонениях души: она чего-то искала, куда-то рвалась.

Взрослый на вид, а в движениях — как дитя. Одет в коротковатые трикотажные брюки василькового цвета от спортивного костюма «Динамо» с отвисшими коленями. В брюки заправлена приталенная

бежевая рубашка в стиле «Диско» — отголосок забытой мужской моды начала 1970-х — с пышными цветами на груди и с массивным, заострённым на концах воротником. Вся одежда, по-видимому, досталась ему за чьей-то ненужностью.

В расстёгнутых сандалиях на босу ногу он спешил к свечному ящику, держа в левой руке скомканную, засаленную от жирных волос кепку несуществующего в природе цвета. Его русые волосы на голове застыли, как полёгшие в поле стебли пшеницы после сильного и порывистого ветра с дождём. Они были странно примяты и местами беспорядочно торчали в разные стороны.

Когда мужчина приблизился к отцу Митрофану, застыл на минуту, как вкопанный, и произнёс странную речь:

— О!.. Митрофан! Ты мне, это... мыло дай. Дай мне мыло! Меня зовут в баню, а мыла нет. Давай скорее, автобус ждёт!

Отец Митрофан улыбнулся и медленно нагнулся — достал из-под стола и выложил на стол кусочек мыла. Откуда взялось мыло в свечном ящике ещё догадаться можно было. Руки помыть или ещё для какой-нибудь нужды.

Объясняя своё требование, мужчина интенсивно махал руками, как на пожаре, но внезапно остановился. Почесал кепкой спину и продолжил:

— А!.. Митрофан! Ещё же мочалка нужна в бане! Дай мне мочалку!

Здесь стоит напомнить, что диалог происходил в храме. Откуда появилась мочалка в руках отца Митрофана — догадаться было уже невозможно. К тому же батюшка улыбался ещё сильнее и был очень рад, словно к нему приехал издалека близкий родственник.

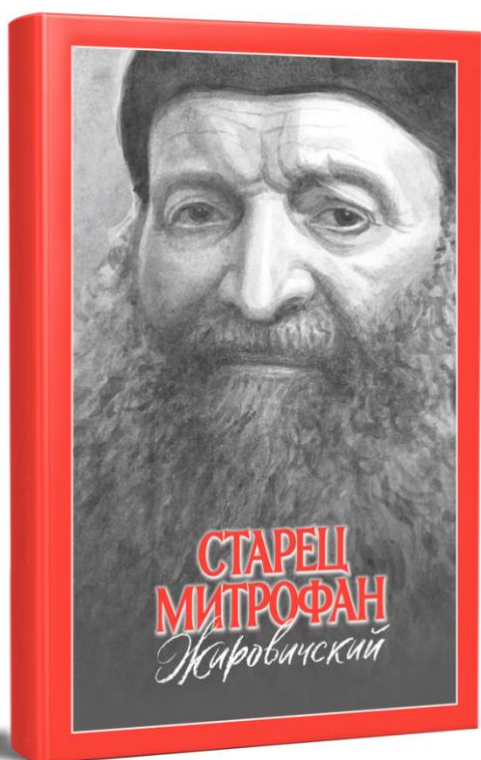
А человек по-прежнему не унимался:

— Митрофан, давай скорее! Меня люди ждут, автобус. Понимаешь? В баню ж еду, в Слоним! Мыться ж буду. Митрофан, а после бани чаю попить нужно. Дай мне сахару!

Батюшка дал ему всё, что тот просил, и услышал слова благодарности:

— Митрофан хороший. Он очень хороший! Девяносто лет жить будет.

Молодой человек активно жестикулировал, кричал, что опаздывает, и, наконец, ушёл, не взяв ничего, что дал ему отец Митрофан... Старец по-прежнему улыбался с нежностью и любовью. Как оказались в тот день в свечном ящике мыло, мочалка, сахар и чай — осталось тайной.

Тайной за семью печатями являлась и духовная жизнь отца Митрофана. Свет пролился отчасти только после упокоения батюшки. Стали доступны его келейные записи, люди делились воспоминаниями, случаями молитвенной помощи.

Собранные материалы легли в основу написания книги «[Старец Митрофан Жировичский](#)». На страницах издания читатели смогут познакомиться с историей жизни отца Митрофана, его духовными поисками, наставлениями и найти СВОЙ ответ на вопрос, который любил задавать батюшка:

— Как тебя зовут?

Дополнительную информацию о книге можно получить [на сайте издательства](#).

В публикации использованы фотографии из личных архивов прот. Геннадия Логина и прот. Георгия Савицкого